

Сведений о Николае Соколове-Данелии — именно под этой двойной фамилией по воле его матери он похоронен на московском Кунцевском кладбище — сохранилось, как ни удивительно, совсем немного. Обстоятельства его смерти загадочны и по сей день, — 6 декабря 1985 года он был найден в своей московской квартире мёртвым, сжимающим в руках телефонную трубку. Официальная версия — «несчастный случай». Колина мать до конца своих дней была уверена, что её сын погиб насильственной смертью. Автор послесловия к его первой посмертной книге, Елена Кузьменок, в своей версии куда прямолинейнее — и беспощаднее: «Погиб он в своей квартире, вместе с приятелем, приехавшим из Грузии, — в результате трагической неосторожности при обращении с наркотиками. Коротко говоря, “передозняк”. Хотя здесь есть разные мнения»¹. Ни одна из существующих версий его гибели официально не подтверждена, родственники до сих пор предпочитают об этом не говорить.

Был ли Данелия наркоманом? Во всяком случае, таков один из множества противоречащих друг другу мифов, и по сей день окружающих его жизнь и личность, включающих даже сомнения в том, что Николай Данелия вообще существовал. Но миф устойчивый и очень похожий на правду. Кузьменок приводит в его подтверждение слова матери Николая: «Вообще, родителям не позавидуешь. Любовь Сергеевна несколько раз рассказывала, как Коля катался по полу: “Мама, зачем ты меня родила? Давай умрём вместе!”»².

Но неужели это — теперь — важно? Думаю, что на самом деле, по большому счёту, — нет. Всё-таки теперь уже имеют значение

¹ Кузьменок Е. «Моим друзьям» [Послесловие] // Николай Соколов-Данелия (Гудвин). Моим друзьям. — Минск: ПФ «Трамп», 1992. — С. 123.

² Там же.

не обстоятельства жизни человека, ушедшие вместе с ним, но то, что он по себе оставил. Теперь его тексты, оставшиеся без автора, отвечают сами за себя.

То, что удалось прояснить по разрозненным и редким чужим свидетельствам мне, тоже следует принимать с известными оговорками. С этим человеком, пожалуй, многое может оказаться совсем не так, как мы думаем, — и, скорее всего, так хотел он сам. Он не очень-то хотел быть видимым. В конце концов, потому, что так честнее.

*НАСТОЯЩЕЕ НЕ СКАЖЕШЬ,
НЕ НАПИШЕШЬ,
НЕ ПОКАЖЕШЬ.
НАСТОЯЩЕЕ УЗНАЕШЬ
И, КОНЕЧНО, ПРОМОЛЧИШЬ.
ПОНИМАЯ, ЧТО
НЕ СКАЖЕШЬ,
НЕ НАПИШЕШЬ,
НЕ ПОКАЖЕШЬ.*

Существовал он несомненно — единственный, поздний, обожаемый сын знаменитых родителей, актрисы Любови Соколовой (1921–2001) и одного из ведущих советских кинорежиссёров, здравствующего поныне Георгия Данелии (р. 1930). Вырос в чрезвычайно насыщенной культурной среде. Красивый, умный, харизматичный, разнообразно и щедро одарённый: с детства рисовал, с детства же снимался в кино: ещё в шесть лет сыграл эпизодическую роль в фильме своего отца «Тридцать три» (1965), в двенадцать — эпизодическую же роль в культовых «Джентльменах удачи» (1971). Производил впечатление яркого, удачливого, редкостно гармоничного человека. Рано — ещё в десятом классе — женился. Успел родить двух дочерей, Маргариту (1977) и Алёну (1983), закончить режиссёрский факультет ВГИКа (1983, мастерская Марлена Хуциева), снять четыре фильма: «Удивительная история одной курицы», «Человечик» (эти два — ещё будучи студентом), «Моментальные снимки» (дипломная работа), «Эй, Семёнов!» (этот фильм, снятый начинающим режиссёром уже не во ВГИКе, а на Мосфильме, в студии «Дебют», был показан в рамках Московского кинофестиваля после смерти Николая,

в 1987 году). Понимающие люди говорят, что это работы не просто талантливые, но очень профессиональные — и совершенно не похожие на его стихи, которые то и дело пронизывает предчувствие гибели, готовность к ней, чуть ли не потребность в ней: по фильмам чувствовалось, что их создатель полон будущим и намерен жить долго³.

*О, СЧАСТЛИВЧИК,
ЭТОТ ЛИФЧИК,
ОН КАСАЕТСЯ ТЕБЯ.
Я СОВСЕМ ДРУГОЙ
СЧАСТЛИВЧИК,
Я КАСАЮСЬ БЫТИЯ!*

Вспыльчивый, избыточно и мучительно сложный (это видно и в его картинах и рисунках, переполненных разнонаправленным, напряжённым движением), категоричный, сильно и бурно — до сокрушительности — чувствующий, требовательный к себе и к другим до максимализма, может быть, и до несправедливости; бунтарь, ненавидевший вписываться в рамки, видимо, не уместивший и не старавшийся обходить острые углы. Елена Кузьменок рассказывает (видимо, со слов друзей или Любви Соколовой), как, обидевшись на что-то, Коля рвал свои картины и выбрасывал их в мусор. «А Любовь Сергеевна доставала их и склеивала»⁴.

*Я ПРЕКРАСНО ЭТО НАЧАЛ.
Я ШИКАРНО ЭТО КОНЧУ.
ДЛЯ ДРУГИХ СЕБЯ РАСТРАЧУ.
ДЛЯ СЕБЯ СЕБЯ ЗАКОНЧУ.*

О том, каково было этому мальчику в мире, что происходило у него в душе на самом деле, свидетельствуют в полной мере, пожалуй, только стихи. Только в них он был откровенен безудержно, без всяких оглядок на осторожность, на жалость, на приличия, на что бы то ни было — вплоть до правил русской речи: писал так, как чувствовалось сию минуту. Он и им-то говорил

³ Там же. — С. 124.

⁴ Там же. — С. 123.

не всё: давал лишь формулы переживавшихся им состояний, а то и просто — реакции на них. Дневника он, насколько известно, не оставил.

*МЕНЯ БЕЗЛИКАЯ КОСНУЛАСЬ,
ВОКРУГ МЕНЯ КОЛЬЦО ЗАМКНУЛОСЬ,
И ПУСТОТА МНЕ РАСПАХНУЛА СВОИ
БЕЗДОННЫЕ ВРАТА.*

При жизни он не печатался — видимо, и не помышлял. Первый его поэтический сборник, совсем небольшой — чуть больше сотни страниц — вышел спустя семь лет после его смерти, и то в другой стране, в ставшей к тому времени независимой Беларуси, в Минске, причём тираж — составлявший, по некоторым свидетельствам, 10 000 экземпляров — якобы почти весь пропал. «ВКонтакте», в группе — не очень, правда, активной в последние несколько лет, — посвящённой Николаю Данелии и его стихам (там же, кстати, можно найти — в виде фотоальбома — и сам минский сборник) об этой книге пишут, что из всех десяти тысяч её экземпляров «...распространить удалось не более тысячи. Оставшийся тираж был уничтожен при расчистке складов, когда фирма разорилась»⁵. Или и это тоже — миф? Во всяком случае, теперь минская книжечка — библиографическая редкость. По счастью, спустя ещё двенадцать лет Георгий Данелия снова собрал стихи сына и, вместе с репродукциями картин и рисунков, издал под названием «Я прекрасно это начал...»⁶, уже в Москве⁷. Эта книга была замечена, на неё появилось по меньшей мере две рецензии в центральной печати — в журнале «Знамя»⁸ и в газете «Первое сентября»⁹, — не просто положительные и уважительные, но взволнованно-личные. Теми, кто, как автор «знаменской» рецензии Владимир Огнев, знал Колю Данелию, его гибель и через двадцать лет чувствовалась как личная потеря.

⁵ URL: <https://vk.com/club11991185>

⁶ Строчка из стихотворения Николая.

⁷ *Данелия Николай* «Я прекрасно это начал...»: стихотворения, живопись и графика. — М.: Прошев дизайн, 2004.

⁸ *Огнев В.* Судьба // *Знамя*. — № 3. — 2005. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2005/3/ogn15.html>

⁹ *Дуларидзе Т.* О жизнь, тебе плачу собой... URL: <http://ps.1september.ru/article.php?ID=200406016>

Устойчивое мнение, согласно которому Николай писал стихи тайно, как дневник, скрывая от всех, — тоже, строго говоря, не совсем верно. Да, он, по всей видимости, писал их именно как дневник, то есть — чтобы выговориться, с целью самопрояснения и ритмического укрощения резких внутренних движений. Но скрывал написанное он, как можно предположить, прежде всего от родителей (по свидетельству литературного секретаря Георгия Данелии, Елены Машковой, лично знавшей Николая, «стихи Коля от родителей не прятал. Он написал их в печально известной квартире, в которой поселился отдельно от отца и его супруги ранней весной 1982 года». — *Прим. ред.*). По совести сказать — родителей было от чего оберегать: столько там отчаяния, темноты, одиночества, неистовости, беспощадности, даже жестокости к себе и к миру, — просто внутреннего крика (не говоря уже о нарочитом хулиганстве, браваре, грубости и попросту обценной лексике. В предлагаемую здесь подборку такие стихи не вошли — ну, почти, — но в минском сборнике их много). С другой стороны, там — сплошная, совершенно подростковая, незащищённость и ранимость (оборотной стороной, неминуемым следствием которых часто оказывается резкость, и это был тот самый случай), нежность к миру чуть ли не до наивности, которую так стыдно показывать. В каком-то смысле он, умерший в двадцать шесть и все свои стихи, как утверждает Елена Кузьменок, написавший в последний год жизни¹⁰, был младше самого себя: ему больно от мира и себя, как четырнадцатилетнему; как четырнадцатилетний, он и миром и собой — страстно взволнован и не знает, как от этого защититься. Как для совсем юного человека, для него всё, что гибелью грозит, таит неизъяснимы наслажденья:

*Сверканье неба
Только для меня!
Свет глаз зовущих
Радость для меня!
Звон стрел отравленных мелькнувших
Для меня!*

¹⁰ Кузьменок Е. Цит. соч. — С. 124.

Друзья же Николая о его стихах точно знали — по крайней мере о некоторых. Кузьменок в своём послесловии передаёт их воспоминания: «Елена Машкова говорила, что он вбегал, сияя: “Смотри! Я написал стихотворение!” Александр Иванов-Сухаревский — ещё проще: “Слушай”...»¹¹ Именно у друзей, как выяснилось уже после гибели автора, хранились его тексты; именно друзья, пишет Кузьменок, занялись их «распечатыванием и распространением»¹². Всё, что вошло в первую книгу, — кстати, так и названную: «Моим друзьям», по названию одного из стихотворений, изрядно, между прочим, жёсткого, — было собрано у них.

Собственно литературных задач (работа с языком, соотношение себя с традицией, диалог и соперничество с авторами-современниками, выговаривание доселе невыговоренного и изобретение к этому небывалых прежде средств...) Данелия перед собою, скорее всего, не ставил. Его стихи были прежде всего прочего коммуникативным действием — способом разговора с самим собой и с теми, кто готов слышать и понимать. Это — речь прямая, обжигающе-живая, чуть ли не устная. Данелия старается говорить помимо поэтических условностей, почти в обход поэтической традиции: из всей её толщи мы найдём у него разве что построение стихов укоренённой у нас Маяковским «лесенкой». Некоторые отсылки к традиции мы обнаружим, пожалуй, в стихотворении, не вошедшем в здешнюю подборку:

*ИЗ СНЕГОВ
КИЛИМАНДЖАРО
ПОДНИМАЕТСЯ
ЛУНА...*

*НАД СИЯНЬЕМ
ФЛЕШПРОЯЛЯ
УСМЕХАЕТСЯ ОНА...*

*НА КЛУБНИЧНЫЕ
ПОЛЯНЫ
ОПИРАЕТСЯ ОНА...*

¹¹ Там же.

¹² Там же.

*СКОРО БУДЕТ уменьшаться
ИСЧЕЗАЕТСЯ*

*ОНА...*¹³

Понятно, что здесь юный стихотворец играючи, — вполне возможно, в духе свойственного ему сопротивления авторитетам вообще — пародирует хрестоматийное «Сквозь волнистые туманы / Пробирается луна, / На печальные поляны / Льёт печально свет она», пиная заодно и «Strawberry fields» вполне ещё культовых в его время «Битлов» (мне мнится здесь также отсылка к не менее хрестоматийному брюсовскому «Тень несозданных созданий / Колыхается во сне, / Словно лопасти латаний / На эмалевой стене...», тем более что и там «Всходит месяц обнажённый / При лазоревой луне»). Александру Сергеевичу достаётся от Николая и ещё раз:

*ЖИЗНЬ ТЕБЯ ОБМАНЕТ.
НАДЕЖДОЮ ПОМАНИТ.
ПРИЖМЁТСЯ ТЕПЛОЮ ЩЕКОЙ.
В ГЛАЗА ТВОИ ЗАГЛЯНЕТ.
ВОЗЬМЁТ ЗА РУЧКУ.
ПОВЕДЁТ.
ПОДКИНЕТ
И
ОСТАВИТ.
ЗАЛИТЫЙ СЧАСТЬЕМ
ИДИОТ
С БЛЕСТЯЩИМИ ГЛАЗАМИ*

Что это, как не ответ на классическое «Если жизнь тебя обманет, / Не печалься, не сердись...?» Но в целом не кажется, что подобное цитирование — доминирующий принцип в творчестве Данелии. Ему важно было выговорить своё, — и вот тут, да, в обход всего, что мешает, включая грамматические правила («исчезается» не говорят? — Кого это волнует! «Обманет — поманит» — кстати, в рукописи «поманет» — орфографическая ли ошибка или художественный приём, неизвестно, — баналь-

¹³ URL: <http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Poezia&go=page&pid=43001>

ная глагольная рифма? — Не имеет никакого значения. Дело не в этом).

Из всей русской поэтической традиции упорно вспоминается автор, с которым Данелия вряд ли ведёт внутренний диалог, но на которого он очень похож по характеру чувств, по типу реакций. Это юный Лермонтов (кстати, проживший на свете почти столько же, сколько и Николай, — погибший на двадцать седьмом году): уязвлённый своим одиночеством, лично оскорблённый несовершенством мира и общества, бросающий им в глаза «железный стих, / Облитый горечью и злостью».

СЕРОСТИ ВОИТЕЛИ

И

СЕРОСТИ ЖЕЛАТЕЛИ.

ДУХА УГАСИТЕЛИ.

ТЮРЕМ СОЗИДАТЕЛИ.

СЕРЫЕ МЕЧТАТЕЛИ...

Мнение, согласно которому Данелия-поэт после смерти был забыт на долгие годы, может, кажется, претендовать на статус ещё одного из сопутствующих его культурному образу мифов. «После смерти, — пишут «ВКонтакте», — творчество Николая было надолго забыто, да и само имя его практически нигде не озвучивалось (по-видимому, по инициативе именитого отца), однако в 2001 году мораторий на упоминание Николая Данелии был снят — исключительно благодаря жене Георгия, Галине Ивановне Данелия, владелице художественной галереи «Пан-Дан». Отчасти поэтому Николай известен не столько как поэт, сколько как художник <...>»¹⁴. Ну да? А как же минский сборник и поездки Любови Соколовой с 1986 года по стране с чтением его стихов и показом фильмов?

На самом деле, как явствует из записей в той же самой группе, стихи его все эти годы помнили и помнят до сих пор — не всегда зная даже о том, кто их автор. По постам и комментариям видно, что на сегодняшних молодых поэт, погибший до их рождения, производит сильное впечатление; пожалуй, он имеет в их глазах даже статус культовой фигуры. В нём, в его горечи и максимализме, безудержности и незащищённости есть нечто очень

¹⁴ URL: <https://vk.com/club11991185>

соответствующее эмоциональным и смысловым запросам юных читателей, их внутренним движениям, которых они сами, может быть, не отваживаются или не умеют выговорить. «Николай Данелия, — пишет со всей страстью юношеской очарованности основатель группы Иван Праздников, — возможно, самый загадочный, удивительный, шокирующий и безусловно уникальный поэт второй половины 20-го века. Пару лет назад... тогда я читал всё больше и больше, а удивления от прочитанного становилось всё меньше, возникало ощущение пресыщенности... тексты сливались в нечто общее, серое, сумбурное... Пока я не наткнулся на Колю. Этот поэт взял мои кишки, вывернул их мехом кверху и прокрутил обратно, он был свеж, безумен, трагичен... несравненно талантлив». (Орфография и пунктуация оригинала сохранены¹⁵). В этой же группе рассказано о том, что ещё в 1991-м — то есть до появления минской книжки — в альманахе «Парус» вышла повесть «Марсельеза», подписанная именем Эны Трамп (под которым скрывается уже упомянутая нами Елена Кузьменок). Героиня повести, альтер эго автора, поёт песни на стихи Данелии, они там цитируются, а сам поэт назван своим настоящим именем. Некоторые читатели узнали о стихах Данелии именно из «Марсельезы» — считая иной раз, правда, Колю литературным персонажем, а авторство его стихов приписывая Эне Трамп, на что она, безусловно, не претендовала (и да, этот текст тоже можно отыскать в интернете¹⁶).

МИР ЭТОТ БЕСКОНЕЧЕН

ОН БЕСКОНЕЧНО

ОБЕСПЕЧЕН.

ОН ПЕЧАЛЬНО ХАОТИЧЕН,

В НАЧАЛЕ, НЕСОМНЕННО,

ЛИЧЕН.

В КОНЦЕ — СТАНДАРТНО

БЕЗРАЗЛИЧЕН.

НА КОЙ ЖЕ ЧЁРТ ОН

СДАЛСЯ

М Н Е.

¹⁵ Там же.

¹⁶ URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-140872.html>

Это оттуда, из «Марсельезы». И это Данелия. Станным образом он напоминает здесь — вплоть до иллюзии цитирования — совсем юного, восемнадцатилетнего Иосифа Бродского, «Пилигримов» которого читать в своём начале советских восьмидесятых не мог, кажется, никоим образом, — хотя как знать? — мало ли что ходило тогда в самиздате...

*...мир останется прежним,
да, останется прежним,
ослепительно снежным,
и сомнительно нежным,
мир останется лживым,
мир останется вечным,
может быть, постижимым,
но все-таки бесконечным.
И, значит, не будет толка
от веры в себя да в Бога.
...И, значит, остались только
иллюзия и дорога.*

И вот тут — особенно в свете несомненного различия поэтических и человеческих темпераментов двух так неожиданно совпавших авторов — возникает вопрос о принадлежности Николая Данелии к поэтическому поколению, которым сам он, по всей видимости, не задавался. Сразу думается о том, что это — не поколение его сверстников, взрослых в семидесятые, достигших зрелости в восьмидесятые. Из точных его ровесников приходит на ум прежде всего Олег Юрьев (1959–2018), бывший старше Данелии всего на шесть дней, — и тут же очевидно, насколько это разные культурные ситуации, разные типы культурной работы и культурной судьбы. И это не только потому, что Юрьев — первый пример, который вспомнился. А вот кого Данелия точно напоминает по интонациям, по манере обращения со словом — одновременно угловатой и раскованной, разговорной и дерзкой, чуткой к сиюминутному, чуждой всем видам церемонности, — это Геннадия Шпаликова (1937–1974), — человека, куда более близкого к поколению его родителей, чуть старшего ровесника того же Бродского. Вот прямо первое, что ложится в руку:

БУКЕТ ЯИЦ СТОИТ СОРОК КОПЕЕК.
СТОЯНКА ТАКСИ СПРАВА ОТ ДОМА.
ПОЕЗД ХЛОПНУЛ СТЕКЛЯННОЙ ДВЕРЬЮ.
Я КАСАЮСЬ БЕЗВЕТРЕННЫХ УЛИЦ.
НЕБО СИРЕНЕВЫМ СЧАСТЬЕМ ПОКРЫЛОСЬ.
ИЗ ТЕЛЕФОНА ВОДА ВЫТЕКАЕТ.
СЗАДИ ОСТАЛАСЬ ОГЛЯДКА ВСЕРЬЁЗ.
МОКРЫЙ АСФАЛТ ПОД НОГАМИ РАСТАЯЛ.
ПО ВОЗДУХУ ЛЕГЧЕ ВСЕГО ВОСХОДИТЬ.

Сравним:

*Я шагаю по Москве,
Как шагают по доске.
Что такое — сквер направо
И налево тоже сквер.*

<...>

*Голова моя пуста,
Как пустынные места,
Я куда-то улетаю,
Словно дерево с листа.*

Писано в 1963-м, когда Коле Данелии было четыре года.

Да, интонации разные, но налицо очень родственное чувство словесной материи — и парадоксальности мира, и первосотворяемости его личным восприятием здесь-и-сейчас, смётанности словно впервые соединяемых, впервые открывающих друг друга его элементов на живую нитку. Выдерни эту нитку — и они соединятся иначе.

И дело опять-таки даже не в том, что знать стихи Шпаликова у Коли, человека, выросшего в кинематографической среде, было много шансов. Человек отзывается не на то, что он знает, но на то, что ему соответствует.

Очень похоже на то, что по своему душевному устройству Данелия был человеком шестидесятых годов — каким-то странным ветром занесённым в следующие полтора десятилетия. Он делал (вряд ли осознавая это) культурную работу шестидесятых,

которой они не доделали. Причём шестидесятых не только советских, но и общеевропейских. Мне кажется очень неслучайным, что героиня «Марсельезы» Эна Трамп, поющая на Арбате под гитару Колины стихи, на своём тогдашнем рубеже 1980–1990-х воодушевлена идеями мая 1968 года и строит на Арбате баррикаду. Европейские шестидесятые точно так же, как и наши, своей программы не выполнили, сломались — были сломлены, — и недопрожившее их общество потом десятилетиями мучили загоняемые внутрь фантомные боли. Подобно Шпаликову, характернейшей фигуре того времени, Данелия был человеком без кожи, всеми силами ненавидевшим фальшь, ложь, серость, половинчатость существования — любого, в том числе и собственного, — верившим в безудержную искренность, в необходимость подлинности и совершенства мира (главное — в принципиальную их возможность; неважно, что не получается!), — и, подобно ему, задохнулся в своих конформистских и тусклых ранних восьмидесятых. Почему так бывает?